

решений в советском руководстве ещё требует дальнейшего изучения. Хочется надеяться, что она найдёт отражение в ходе продолжения исследовательского проекта И.А. Хормач (автор работает над монографией о деятельности СССР в Лиге наций в 1934–1939 гг.). Пока же можно констатировать, что первая часть этого проекта выполнена на самом высоком, научном уровне. Заполнена существ-

венная лакуна в наших знаниях об отношениях советского государства и Лиги наций.

А.М. Филитов

Примечание

¹ См.: Очерки истории министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 108, 130–132.

Е.А. Вишленкова, Р.Х. Галиуллина, К.А. Ильина. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с.

Всегда трудно создавать научные исследования о явлениях, которые ещё не стали достоянием истории. При этом их завершённость или незавершённость часто бывает неочевидной и выясняется лишь в ходе специального изучения. Именно с этим сталкивается читатель рецензируемой монографии. Русская профессура впервые рассматривается в ней как целостный культурный феномен и как самоорганизующееся сообщество. И хотя книга имеет вполне определенные хронологические рамки, охватывающие первую половину XIX в., авторы не ограничиваются изложением событий, происходивших с отечественной профессурой в данный период.

За исключением своих уставов русские университеты имели мало общего с европейскими с их корпоративностью и автономностью. Средневековые университеты Западной Европы являлись одной из городских корпораций, существование которых во многом объяснялось слабостью власти. Когда же сложились современные европейские государства, они были вынуждены признать университетскую автономию как уже существующий факт. Поэтому самоуправление и корпоративность были мощными традициями университета, с которыми приходилось считаться. В России государство само учреждало университеты и финансировало их. И что бы ни говорилось в уставах об автономии, русский университет изначально был интегрирован в государственную структуру.

Александр I, видимо, действительно хотел, чтобы его детище имело все внешние признаки западного университета. Поэтому его правительство буквально навязывало автономию «учённому сословию». Но университеты, делавшие первые шаги, ещё не могли в полной мере воспользоваться дарованными привилегиями. В России профессора неохотно брали на себя хозяйственные и административные функции, а то и вовсе отказывались от них, предпочитая заниматься исключительно наукой и преподаванием. В книге читатель найдёт немало любопытных фактов, свидетельствующих о том, что университетская автономия по-разному понималась внутри профессорской корпорации.

Устав 1804 г. лишь декларировал автономию университетов, породив миф, который в дальнейшем, переключившись на научную литературу, приводил к противопоставлению александровской и николаевской эпох (широкая автономия при Александре I и её отсутствие при Николае I, затем её возвращение Александром II и упразднение Александром III).

Иллюзия автономности университетов при Александре I ретроспективно соединялась с расхожим представлением о либерализме царя, не предъявлявшего к ним сколько-нибудь жёстких требований. В первой четверти XIX в., как показано в монографии, университеты должны были в первую очередь служить общекультурной европеизации, тогда как каких-то более конкретных задач перед ними не ста-

вилось. Между тем именно Александр I создал в России взаимосвязанную сеть учебных заведений. И неважно, что университеты ещё не стали тогда крупными учебными центрами, охотников учиться в них было мало, а подготовленных преподавателей не хватало. Важно то, что возникла образовательная система, которая рано или поздно должна была заработать.

При Николае I ситуация изменилась, сформировалась чёткая система государственного управления образованием и производства новых научных знаний. Характерно, что при Александре I наиболее значимые труды по истории или филологии появлялись за пределами университета (Н.М. Карамзин, А.Х. Востоков), тогда как крупнейшие учёные николаевской эпохи – в основном университетские люди. Николай I, собственно говоря, и создал ту модель взаимоотношения власти и университета, которая просуществовала до недавнего времени. Государство ставит задачу – университет выполняет. В 1920-е гг. большевики, правда, пытались экспериментировать с высшим образованием, но в итоге вернулись к николаевской модели.

Но миф об автономии и профессорской корпорации продолжал существовать в университетских стенах. Русская профессура, как отмечают авторы книги, разделилась на две части: одни требовали «восстановления» привилегий и отказа от полицейских методов управления университетом, тогда как другие осознавали себя чиновниками, находящимися на государственной службе и исполняющими распоряжения начальства. Конфликт между ними был неизбежен и начался ещё в николаевскую эпоху. В 1851 г. деканом историко-филологического факультета Московского университета большинством голосов был избран Т.Н. Грановский. Его соперника и прежнего декана С.П. Шевырёва забаллотировали. Однако министр не утвердил результат выборов, и Шевырёв, вопреки коллективному протесту, согласился стать деканом, пожертвовав своей репутацией в обществе. При этом считалось, что Грановский выступал носителем университетских традиций, а Шевырёв их грубо попирает. В действительности же университетские выборы в России

представляли собой не традицию, имевшую глубокие корни, а игру, призванную подтвердить «европейский» характер русских университетов. Традиционным как раз являлось управление университетом из кабинетов власти. Но замороженность мифом в данном случае воспринималась как проявление профессиональной чести и высокого человеческого достоинства, а следование сложившейся традиции расценивалось как измена корпоративным принципам и унижительное прислуживание власти. Так или иначе, в конечном счёте, университетский миф всё же сформировал в России высокую профессорскую культуру, и в полной мере она проявилась уже в начале XX в., когда русские университетские учёные достигли мирового уровня.

Сравнивая происходящее на наших глазах с тем, что мы знаем о прошлом, можно говорить об отсутствии культурной преемственности в российских университетах. Если ещё сравнительно недавно советская власть хорошо понимала, что она хочет от университетов (совершенствования военно-промышленного комплекса и насаждения соответствующей идеологии), то сейчас власти едва ли имеют чёткое представление о том, какую задачу следует поставить перед университетом. Да и факт существования профессорского сообщества в современной России далеко не очевиден. Являются ли современные профессора, даже в лице их лучших представителей, носителями той старинной культуры, о которой говорится в книге Вишленковой, Галиуллиной и Ильиной? Конечно, рецензируемая книга не может дать ответ на этот вопрос, но она заставляет над ним задуматься. Её настоящий читатель, для которого она столь же животрепещуща, как сегодняшняя газета – университетский профессор, ощущающий в себе осколки той корпоративной культуры, о которой пишут авторы. Только он, обременённый профессиональными проблемами, способен в полной мере оценить научное значение и актуальность их труда. Неудивительно, что вторую часть книги составляет довольно обширная подборка разнообразных материалов, извлечённых из различных архивных фондов и опубликованных с некоторыми сокращениями

ми. Иногда документ говорит гораздо красноречивее, чем самая изысканная его интерпретация. Хорошо понимая это и рассчитывая на подготовленность читателя к работе с источниками, авторы дают возможность услышать не только собственные голоса, но и голоса деятелей прошлого. Лучше понять их помогают многочисленные обстоятельные комментарии и ёмкое археографическое вступление.

Явления культуры, однажды возникнув, никогда не умирают. Они могут исчезать на время с поверхности культурного пространства, уходить в глубину, но рано или поздно снова пробиваются наверх. И профессорская культура, формировавшаяся в России на протяжении XIX в., рано или поздно снова проявит себя.

В.С. Парсамов

К.И. Шнейдер. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. 230 с.

Исследуя приключения российской общественной мысли, невозможно пройти мимо «раннего русского либерализма». Он, как показывает историографическая традиция, настолько трудноуловим для исследования, что достоин известного восклицания из «Клима Самгина». Поэтому многолетняя скрупулёзная разработка данной темы, одним из результатов которой является рецензируемая монография, заслуживает глубокого уважения. Поставив под законное сомнение регулярные попытки историков «омолодить» российский либерализм, объявив его развитие в XIX в. «ненастоящим» или, напротив, «состарить», ища его в XVIII в., К.И. Шнейдер заявляет своей целью «комплексное исследование раннего русского либерализма как единого интеллектуального феномена, сложившегося во второй половине 1850-х – первой половине 1860-х гг. и заложившего основы полноценной национальной либеральной традиции в России» (с. 16–17). В поисках «единого интеллектуального феномена» историк, опираясь на архивные личные фонды и опубликованные произведения авторов, отнесённых им к ранним российским либералам, последовательно обращается к проблемам происхождения русского либерализма, его ценностных приоритетов, программных установок и социокультурных особенностей в середине XIX в. Прежде чем охарактеризовать и оценить основные результаты исследовательских усилий Шнейдера, следует упомянуть о некоторых особенностях жанра

и стилистики его монографии, с которыми связаны как сильные стороны, так и некоторые недочёты труда пермского историка.

Следует учитывать, что в книгу Шнейдера вошли некоторые результаты пока еще не защищённого докторского исследования. Возможно, именно поэтому автор чаще всего формулирует свои идеи достаточно осторожно, а дискуссионные моменты, за несколькими исключениями, по возможности смягчает. В целом он адресует свою книгу узкому кругу экспертов, что вкупе с особенностями историографической ситуации и задачами исследователя превращает его работу, как уже заметила критика, в «историко-теоретическое изыскание, где на первом плане стоят задачи не описания, а концептуализации»¹.

Безусловно сильной стороной исследования Шнейдера является целенаправленная ориентация на англо-американскую традицию исследования русского либерализма. Автор прекрасно осведомлён о состоянии изучения предмета в Великобритании и США, чему, помимо прочего, содействовали его длительные выезды в США и интенсивные контакты с зарубежными учёными. Англо-американская традиция прослеживается и в терминологии (включая введение термина «ранний русский либерализм» вместо «дворянского» и многочисленных других либерализмов советской историографии), и в самом стиле работы Шнейдера (особенно при изложении основных её идей во введении). Безупречное ориентирова-